

Святая пустота

«Знаки пустоты» Шарлотты Перриан в Париже

Коммерсантъ - 2006 - 14 фев.
- с. 22.

В парижском Centre Pompidou проходит выставка знаменитой архитекторы и дизайнера Шарлотты Перриан «Знаки пустоты». Она умерла семь лет назад в возрасте 96 лет, едва успев узнать всемирную славу — слишком долго ее работы оставались в тени ее шефа и учителя Ле Корбюзье. Обойдя восемь залов, заполненных мебелью, чертежами, фотографиями, журналами, АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ не увидел в ее работах ни единого признака пустоты.

Вот история. Маленькая девочка попадает в больницу — у нее аппендицит. После операции, отходя от наркоза, она лежит одна в палате с белыми стенами и высокими окнами и наслаждается пустотой и чистотой пространства. Она не хочет уходить из больницы и плачет, когда ей приходится вернуться в свою комнату в «тараканье царство» буржуазной квартиры родителей. Полвека спустя она вспоминала, как «в первый раз почувствовала власть пустоты, которая может вместить все».

Девочка выросла художницей, ушла из дома, стала феминисткой — в 23 года выходила замуж в красном пальто, никакого «белого платья и флердоранжа, не хочу выглядеть толстой, которую ведут на заклание». У нее не было двойных стандартов, ее прославляла ее собственная мебель, которую она просто перевезла из дома на выставку. В 33 года она стала коммунисткой, в 1931-м съездила в СССР. Увлелась йогой. Характер понятен.

Шарлотта Перриан начала работать с Ле Корбюзье в 1927 году. Прочла его книгу «К новой архитектуре» и попросилась к нему в мастерскую. Корбюзье не видел толку в девушках вообще, а в декораторах особенно. «Мы здесь не подушки вышиваем, мадемуазель», — заявил он ей. А ведь если бы помимо проектирования зданий он занимался бы проектированием девушек, с его архитектурного конвейера прежде всего сошла бы Шарлотта, великолепный экземпляр парижанки 30-х годов в стиле Esprit Nouveau. Коммунистка, спортсменка и просто красавица, коротко стриженная

Шарлотта Перриан на своей знаменитой кушетке 1928 года. Тогда она мечтала о мебели из металла и резины, потом отдала дань натуральному дереву

девочка-инопланетянка с маленьким носиком и огромной улыбкой, с высокой тонкой шеей и вздернутым подбородком.

Десять лет она проработала с Ле Корбюзье, оказавшись среди создателей самого знаменитого европейского архитектурного течения XX века Esprit Nouveau, которое сделало ее коллективно знаменитой, но персонально нечастной. Ее работы отныне принадлежали коллективу, коллектив принадлежал «Корбю». До поры до времени это Шарлотту не задевало, тем более что ее близким другом стал второй видный аутсайдер движения Пьер Жаннере, кузен Корбюзье. Созданные в этой мастерской лучшие образцы демократичной мебели XX века (вроде шезлонга или кресла из гнутых трубок и кожи, прототипы которых сейчас можно найти во всех энциклопедиях и только

в самых недемократичных галереях) подписаны тремя именами: Корбюзье, Жаннере, Перриан. У нее было место по алфавиту, последнее, и то до тех пор, пока Корбюзье не заключил договор на фабричное производство — на свое имя.

Она разошлась с Корбюзье и начала жизнь сначала, и тут ей помогли мужчины, среди которых были Фернан Леже и Хунзо Сакура. Сакура устроил ей приглашение консультантом в Институт промышленного искусства в Токио. В Японию она отплыла в 1940-м из погибающей Франции, из Марселя, откуда герои Ремарка спасались в Америку. Шарлотта Перриан покидала Париж на шесть месяцев. Война задержала ее в Японии на шесть лет.

Странно ли, что в Японии она нашла свой идеал? В традиционном японском доме с модулем ци-

новки-татами уже давно были сделаны все расчеты минимального жилья: «Сакура открыл мне, что за пределами нашего картезианского сознания есть другие миры. Он постарался, чтобы я узнала его страну и ее странности, мир интуитивного мышления». Картезианское сознание — это она все про тирана Корбюзье.

Некогда яростная защитница холодной стали, она полюбила живое дерево. На нынешней парижской выставке показаны ее столы, сделанные из цельных стволов, уже в силу этого неповторимые, с машинным производством было, казалось, покончено. Один из лучших ее интерьеров, воспроизведенный здесь же, служебная квартира директора Air France в Рио-де-Жанейро — по формам еще вполне авангард, по материалам уже совершенно нет: акажу, палисандру, кости — скорее королевские мастерские, чем мебельные заводы.

Она путешествовала, жила то в Индии, то в Бразилии, а все мы понимаем, что значит, когда тебя не видят годами в Париже, и лицо твое уже похоже не на Аэлиту, а на маску Аэлиты, и место твое заняли другие девочки, вроде Франсуазы Саган, молодой, сумасбродной и знаменитой. Как и Лени Рифеншталь, она

любила горы и придумывала горные хижины из алюминия, дерева, пластика, похожие на те подводные дома, которые строил на дне морском ее соотечественник Кусто. В 60 лет бабушка спроектировала альпийскую горнолыжную станцию Des Arcs и самолично испытала ее вместе с молодыми слаломистами — любителями черных трасс. И лишь десять лет назад она сумела доказать, что самая знаменитая мебель Ле Корбюзье сделана не каким-то там абстрактным Esprit Nouveau, а именно ею.

Она помнила тот светлый стартующий авангард, готовый уложить человечество на авангардную кушетку и унести в светлое пустое пространство «новой архитектуры». В 1970-е он уже выглядел по-другому, обязательный, как продуктовые карточки. Он был нужен властям, но не для себя, а для брошенных Де Голлем алжирских беженцев «черноногих», которых расселяли в панельных пятиэтажках, называвшихся HLM. Среди ее проектов тех лет, показанных в Центре Помпиду, можно видеть ванную комнату, отлитую из стекловолокна, которую надо было просто привезти на стройку и установить на место. В этой ванной, сидя на унитазе, можно было вы-

мыть голову в умывальнике напротив — все так нам знакомо по хрущевским даже более просторным санузлам, потому что Шарлоттой Перриан вело вдохновение, а не заказ Госстроя.

В последние годы она преподавала, восхищалась новизной и возмущалась косностью — вслед за Роланом Бартом влюбились в Citroen DS, «богиню, дээссу», и говорила: «Я не могу понять, как можно, приехав домой на DS, сесть в кресло Людовика XIV». Студенты, которые уже не были бунтарями 60-х, прекрасно это понимали, потому что их родители ровно так и делали. А если у кого-нибудь из родителей стояла дома кушетка Ле Корбюзье, так это был тот же антиквариат, что и сама ее создательница. И, рассказывая мне ее ученик, случалось, что кто-нибудь с младшего курса, потянув носом, говорил, что лиз здесь была Шарлотта? И молодые идиоты хотели как сумасшедшие.

А завершается выставка ее хижинкой для чайных церемоний, которую она в 90 лет обустроила по заказу ЮНЕСКО для фестиваля японской культуры. Возможно, вспомнив самое светлое воспоминание детства, она оградил бамбуком пустое пространство — палату для лечения больных голов.

Миллион посмертно

На ярмарках и в галереях вещи Шарлотты Перриан появились уже после ее смерти. В 1980-х за них не давали больше 3–4 тыс. франков (около €600), с 2001-го цены растут до 50 тыс. — и уже не франков, а евро. В 2005-м стол и восемь ее табуретов были проданы на FIAC-2005 за €300 тыс. Во столько же обошелся магнату и страстному коллекционеру Франсуа Пино бумажный с раздвижными дверцами. Но рекорд был поставлен в 2004-м, когда стол из массивного дерева был продан нью-йоркскому коллекционеру ни много ни мало за €1 млн.